

В первую ночь их совместной жизни Цзян Шаочжи сам предложил спать в разных комнатах.

Главную спальню он оставил Тун Цинхэ, а сам обустроил гостевую. Обернувшись, он увидел своего маленького омегу, стоящего в дверях: тот не решался войти, но, очевидно, хотел что-то сказать.

Цзян Шаочжи жестом подозвал его. Тун Цинхэ подбежал и послушно встал рядом, его периферийное зрение блуждало, словно он что-то искал.

Цзян Шаочжи понял намёк и сам выдвинул второй ящик:

— Ингибиторы здесь. — Затем он выдвинул третий. В нём было гораздо меньше ингибиторов, чем во втором, — стандартная, разрешённая к применению доза. На упаковке было указано, что они предназначены для омег.

Тун Цинхэ внимательно смотрел на ряд ингибиторов. Цзян Шаочжи поднял его и посадил себе на колени, одной рукой нежно обнимая, вдыхая чистый аромат геля для душа после купания.

После введения большой дозы ингибиторов жар в теле Цзян Шаочжи почти спал. Если Тун Цинхэ не будет выпускать феромоны в течение этих двух дней, всё полностью стабилизируется и успокоится.

Цзян Шаочжи спросил:

— Ты боялся сегодня?

Альфа говорил спокойным тоном, описывая своему омеге реальную ситуацию и оценивая опасность:

— Если бы ты не сказал, что тебе больно, я бы не остановился. Я бы, возможно, потерял рассудок, прокусил твою железу, а в худшем случае — свернул бы тебе шею.

Духовный зверь Цзян Шаочжи — Цюн-ци, символизирует жестокость и насилие, любит войну. Это злобное и странное мифическое существо. В какой-то степени это также указывает на боевые гены, скрытые в крови Цзян Шаочжи. Иначе он не смог бы выполнить столько опасных миссий за двенадцать лет. Чем опаснее враг, тем больше он любит с ним бороться, пока не победит.

Он умел скрываться за молчанием. Такой сильный и свирепый альфа, владеющий омегой, которого легко сломать, должно быть, нуждался в огромной силе самоконтроля и невероятной осторожности, чтобы не навредить своему омеге даже в объятиях.

Тун Цинхэ покачал головой. Его состояние ничем не отличалось от того, когда он вёл дебаты:

— Я верю, что дядя не причинит мне вреда. К тому же, ты остановился.

Что действительно тронуло Тун Цинхэ, так это слова Цзян Шаочжи после того, как он заставил себя остановиться. Они принесли ему огромное успокоение.

— Дядя, мы правда должны спать отдельно?

Цзян Шаочжи уклонился от ответа, вызвал Цюн-ци и похлопал Тун Цинхэ по плечу:

— Пусть он составит тебе компанию.

Огромный Цюн-ци послушно лёг на пол, поджав лапы, чтобы не поцарапать паркет в новом доме.

Такой большой свирепый зверь протянул шею к Тун Цинхэ, потёрся головой о его ногу. Маленькие коричневые треугольные уши слегка подрагивали в густом меху. Когда свирепый зверь ласкался, в этом было что-то странно-покорное, но это вызывало гордость от того, что ты смог его приручить.

Этот свирепый зверь, которого большинство людей боялось, слушался его.

Тун Цинхэ спрыгнул. Он чуть не наступил на лапу Цюн-ци. Он смущённо оглянулся. Взгляд Цзян Шаочжи был снисходителен. Затем Цюн-ци сам положил лапу ему под ноги, показывая действием, что не против, если он наступит.

Цюн-ци — это его альфа. С этой мыслью Тун Цинхэ зарылся в мягкую шею Цюн-ци, и в его руках остался комок шерсти.

Он гладил Цюн-ци, поцеловал его в ухо. Повернув голову, он увидел, что уши Цзян Шаочжи слегка шевельнулись и покрылись подозрительным румянцем.

Холодное, суровое лицо альфы с красными ушами — это был очаровательный контраст.

Тун Цинхэ это ещё больше понравилось. Он обнял Цюн-ци, то гладил его глаза, то нежно целовал, гладил шерсть вокруг его пасти, до самого мягкого меха на животе.

Цзян Шаочжи прикрыл рот рукой. Если он продолжит гладить ниже, это ничем хорошим не кончится.

Он прочистил горло:

— Тун-Тун, отведи его в свою комнату.

Цюн-ци поднялся, низко пригнул голову и, схватив угол пижамы Тун Цинхэ ртом, намекнул

ему, что пора возвращаться в главную спальню.

Тун Цинхэ последовал за Цюн-ци в комнату. Цзян Шаочжи облегчённо вздохнул.

Альфа лёг на подушку, его скулы приобрели тёмно-красный оттенок, отличавшийся от обычного медового. Он сдерживал желание выпустить феромоны, терпел. Пот на шее стал ещё более влажным. Рука, свисающая сбоку, медленно начала двигаться. Лоб покрылся частыми каплями пота.

Цюн-ци резко вздрогнул своим огромным телом, из его горла вырвалось низкое урчание. Он свернулся в углу главной спальни, выглядя обиженным.

Тун Цинхэ, увидев, что он дрожит, подошёл и погладил его по голове:

— Что случилось? Тебе плохо?

Урчание в горле Цюн-ци превратилось в низкое нытьё, похожее на мяуканье большой кошки, с примесью липкой нежности. Он поднял глаза. Его звериные глаза, обычно величественные и пронизательные, сейчас выглядели как смоченные огненные драгоценные камни, влажные и яркие. Дыхание, вырывавшееся из носа, было особенно горячим. Он хныкал, хвост обвёл ногу Тун Цинхэ, попытался обвиться, но отдёрнул. Кажется, ему было не по себе, и он ласкался к Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ подумал, что кондиционер в комнате включён слишком сильно. Он понизил температуру и добавил ещё одно одеяло. Он вернулся в кровать. Спустя некоторое время Цюн-ци, сидевший в углу, подошёл. Его огромная голова легла на край кровати, и он тихо смотрел на него.

— Что с тобой? — Тун Цинхэ даже уловил в глазах Цюн-ци меланхолию и обиду. Он протянул руку, ласково погладил Цюн-ци по голове и, повинувшись наитию, назвал: — Дядя?

Уши Цюн-ци дрогнули, он закрыл глаза. Его длинный хвост начал размеренно подметать пол. Тун Цинхэ засмеялся, обнажив два белых зуба, и подумал, что и Цюн-ци, и его дядя в уединении совсем не холодные и не скучные.

Экран коммуникатора на столе засветился. Цюн-ци фыркнул на коммуникатор. Тун Цинхэ погладил его по голове и взял, чтобы прочитать сообщение.

Это был чат втроём. Помимо него и Юй Сяокэ, вернулся ещё один омега с другой планеты.

Он напечатал: Ю Ю, добро пожаловать домой. Обнимашки.jpg.

Цзян Юю быстро напечатал целую цепочку сообщений, в которых говорилось, как ему было

тоскливо быть студентом по обмену на другой планете, как он не привык к тамошней еде, и жаловался на перегруженность учёбой. В конце он заключил: «Я больше никогда не буду подавать заявку на межзвёздного студента по обмену».

Цзян Юю, как и Тун Цинхэ, был отличником, но в отличие от него, Цзян Юю был маленьким борцом на передовой омег, отвергающим альф и преданным защите законных прав омег на самоопределение. Короче говоря, Цзян Юю предпочёл бы передозировать ингибиторы, нанося вред своему здоровью, чтобы пережить течку, чем загружать свои данные в сеть АО и быть случайным образом подобранным альфе.

Цзян Юю и Юй Сяокэ уже пережили свой первый гон, оставался только Тун Цинхэ. Учитывая, что гон Тун Цинхэ был не за горами, Юй Сяокэ только что сообщил Цзян Юю в чате, что у Тун Цинхэ появился альфа. Цзян Юю, будучи хорошим другом для обоих, особенно для Тун Цинхэ, который только учился и был наивен, задал ему несколько косвенных вопросов. Тун Цинхэ ответил на них просто, а также кратко рассказал о том, что произошло только что.

Цзян Юю, который всегда был в оппозиции к альфам, на этот раз сказал: «Твой альфа хорош. Он не воспользовался моментом, чтобы тебя захватить».

В прошлом году в их учебном заведении произошёл инцидент, который потряс весь круг омег. У младшекурсника-омеги внезапно началась течка. Два альфы под предлогом доставки его в больницу для инъекции ингибитора отвезли его в отдалённое место с намерением изнасиловать. К счастью, патрулирующие беты успели спасти его, предотвратив трагедию.

После этого инцидента все федеральные новостные сайты были полны шума. Некоторые пользователи сети обвиняли омегу в том, что он не сидел дома во время течки, а вышел на улицу, и что у него не было другого намерения, кроме как спровоцировать других на изнасилование.

Группы омег-волонтеров, занимающиеся контролем комментариев, отвечали обоснованной критикой на обвинения жертвы. Цзян Юю стоял на передовой защиты жертвы, критикуя высокомерие альф, которые не могли контролировать и сдерживать своё поведение, спрашивая: «Чем вы отличаетесь от скота?»

Цзян Юю, вспоминая тот инцидент, до сих пор дрожал от злости: «Эти альфы ещё говорят о свободе и равенстве. Почему, когда у них гон, они могут свободно разгуливать и хватать кого попало на улице, а если течка у омеги, то нас надо запирают дома и не показывать людям? Только потому, что их физическое состояние лучше нашего? Если они такие сильные, почему не могут научиться контролировать своё поведение, а должны быть скотом, который знает закон и нарушает его?»

Тун Цинхэ и Юй Сяокэ молча наблюдали за потоком сообщений в чате, пока Цзян Юю не успокоился.

Тун Цинхэ напечатал: «Ю Ю, не злись».

Юй Сяокэ отправил несколько стикеров и даже показал свой живот, чтобы Цзян Юю посмотрел на его ребёнка.

Цзян Юю рассмеялся сквозь гнев: «Живот даже не округлился. На что смотреть?»

Когда Цзян Юю достаточно выплеснул гнев, он сделал вывод из скудных слов Тун Цинхэ, что его альфа довольно неплох, и немного успокоился.

Только что вернувшись, Цзян Юю хотел многое рассказать своим друзьям. Тун Цинхэ просматривал сообщения на коммуникаторе. Цюн-ци, тихо сидевший рядом, внезапно вытянул голову и неожиданно сбил коммуникатор из его рук.

Хлоп —

Цюн-ци сел на упавший на пол коммуникатор, а носом, из которого вырывалось горячее дыхание, ткнулся в одеяло, намекая Тун Цинхэ, чтобы тот ложился спать.

Тун Цинхэ сказал:

— Ты такой властный.

И назвал его:

— Дядя?

Голова Цюн-ци, лежавшая на краю кровати, растрепала простыню. Длинный хвост пробрался под одеяло, обхватил запястье Тун Цинхэ. Он прищурился, явно намереваясь спать.

— Спокойной ночи, — прошептал Тун Цинхэ, наклонившись и поцеловав Цюн-ци в горячий нос.

В другой гостевой комнате Цзян Шаочжи, прикрывая нос, почувствовал, что у него снова может пойти кровь из носа.

На следующее утро, возможно, из-за эффекта самовнушения, Тун Цинхэ потрогал своё лицо и шею — они были горячими.

Он даже не надел тапочки. Как только он вышел за дверь, он увидел вышедшего Цзян Шаочжи и тут же приложил его руку к своей щеке:

— Дядя, потрогай. Моё лицо такое горячее. У меня течка?

Цзян Шаочжи отнёс его обратно в главную спальню, достал измерительный прибор, проверил

и покачал головой:

— Нет.

На следующий день Тун Цинхэ снова рано утром побежал к двери гостевой комнаты. Цзян Шаочжи ещё не успел одеться. Его маленький омега схватил его за руку и приложил к своей щеке:

— Дядя, у меня течка?

Лоб Цзян Шаочжи дёрнулся. Он просто перевернул Тун Цинхэ, прижал его к кровати и поцеловал его железу — никаких признаков возбуждения или увлажнения.

— Нет.

Тун Цинхэ ждал уже два дня. Каждый день он бежал к гостевой комнате до рассвета, залезал под одеяло и доводил Цзян Шаочжи до такой степени, что тот чуть не сделал себе ещё две инъекции ингибитора.

Он выяснил, что у его маленького омеги, вероятно, развивается тревожное расстройство, которое бывает перед началом течки.

<http://bllate.org/book/4/81>